

А.П. ДАВЫДОВ

Между Пушкиным и Достоевским: “Цыганы” и комментарии к ним

В статье исследуется комментарий Ф. Достоевского к пушкинской поэме “Цыганы” в его Пушкинской речи 8 июня 1880 г. и в некоторых статьях. Анализируется искажение Достоевским смысла поэмы – произвольный поворот от темы свободы в любви, содержащейся в пушкинской поэме, к критике российских либералов – “русских европейцев” как оторвавшихся от народа и потому – “врагов народа”. Развернута критика призыва Достоевского к русской интеллигенции преклониться перед “народной правдой”, которая “выше Пушкина”. В статье выбор между пушкинской идеей свободы в любви и народничеством Достоевского поднимается на уровень выбора между Пушкиным и Достоевским как антиПушкиным, как выбор пути России.

Ключевые слова: Пушкин, “Цыганы”, Достоевский, Пушкинская речь, народ, народная правда, либералы, либерализм, медиация, русские европейцы, враги народа.

DOI: 10.31857/S086904990000395-6

XIX век. В России начинается эпоха А. Пушкина (1799–1837). В стихах, статьях и письмах поэта, в поэмах “Кавказский пленник”, “Цыганы”, в маленьких трагедиях впервые в русской культуре началась рефлексия по поводу способности русского человека почувствовать себя личностью, быть субъектом гражданского общества, “русским европейцем”. Отвергающий исторически сложившиеся в обществе соборно-авторитарные культурные стереотипы, рожденный в диалоге поэта с читателем вольнолюбивый российско-европейский социокультурный тип, еще далеко не европеец, но уже в чем-то важном и не традиционный русский. Его еще почти нет в социальной реальности России, но он уже уверенно шагает по страницам пушкинских художественных произведений.

В XIX в. начинается в России и эпоха Достоевского (1821–1881). Уже в первых своих произведениях – романах “Бедные люди”, “Белые ночи”, повестях “Двойник” и “Хозяйка” начался непревзойденный по глубине анализ культурной архаики и патологии ментальности русского человека. Но если Пушкин искал альтернативу этой архаике/патологии в свободной личности, то Достоевский – в русской крестьянской общине, православной религии и самодержавии, то есть там, где вся эта архаика и родилась. Отсюда основное требование писателя: не допустить размывания, “переевропеизации”, “онемечения” традиционных основ русской культуры, отсюда и его ненависть к принципу личности, к либерализму, европеизму, “русским европейцам” как “врагам народа”, отсюда же его специфическое отношение к Пушкину.

Д а в ы д о в Алексей Платонович – доктор культурологии, главный научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 117218, Москва, Кржижановского ул., д. 24/35, кор. 5. E-mail: apdavdydov@gmail.com

Юный Достоевский был увлечен популярными тогда в России социалистическими идеями (прежде всего Ш. Фурье). Участвовал в кружке М. Буташевича-Петрашевского. В 1848 г. был арестован, прошел через допросы, имитацию расстрела, замененного в последний момент каторгой. На каторге в мировоззрении Достоевского произошел перелом – поворот от идей социализма к народничеству и христианству. В Петербург он вернулся убежденным монархистом, сторонником православия и славянофильства, жестко выступил против русского либерализма и ее центральной идеи – идеи личности. В статье “Социализм и христианство” он сформулировал свой девиз: “Там [в Европе] личность, у нас [в России] общность” [Достоевский 1980, т. 20, с. 203].

Какова была цель Достоевского в идеологической борьбе, развернувшейся в России в середине XIX в.? Дискредитировать “русского европейца” как идеал узкого элитарного сознания, желающего интегрировать Россию в мировую культуру. Писатель дает “русским европейцам” звучные названия – “прогрессивные вышвырки русского общества” и “враги народа русского”. Мечтает о “народной войне” в России против “русских европейцев” [Достоевский 1984, т. 26, с. 153, 185], по существу – о гражданской войне.

XIX в. стал временем, когда в общественной рефлексии России столкнулись два способа мышления, два способа анализа интересов и ценностей, два выбора для русского человека: быть “русским европейцем”, личностью или отказаться от идеи личности, преклониться перед соборно-авторитарной “народной правдой”. Именно в этот конфликт мы погружаемся, когда анализируем два текста – поэму “Цыганы”, написанную юным Пушкиным в период, когда поэт находился в южной ссылке (1820–1824), и комментарий к ней Достоевского, произнесенный в своей знаменитой Пушкинской речи 8 июня 1880 г. по поводу установления в Москве памятника Пушкину.

Введение в логику поэмы

Когда я вижу, как динамична поэма, лаконичны диалоги, эпизоды, хочется остановить быстро движущееся пушкинское перо и попросить: “Подождите, Александр Сергеевич, дайте хотя бы еще одну подробность”. “Не надо, и так все ясно”, – отвечает поэт стихами поэмы. Как молния пролетела история героев, и тяжким выдохом прозвучал приговор: “И всюду страсти роковые / И от судеб защиты нет”... Родились “Цыганы” [Пушкин 1949, т. 4, с. 201–234] – яркое с трагичным отливом сияние одного из первых пушкинских поэтических бриллиантов.

Главный герой поэмы – Алеко-юноша, житель города. “Преследуемый законом”, Алеко бежит в степь. Через любовь к юной цыганке Земфире надеется найти себя нового. Но быстро привыкает к кочевому бытию, теряет интерес к Земфире, к жизни. А Земфира влюбляется в молодого цыгана. В порыве ревности Алеко убивает жену и ее любовника. Старик, глава цыганской общины, изгоняет Алеко из общины. Такова эта бесхитростная и трагичная история. Но под простым сюжетом скрываются глубокое содержание и общественная полемика, не утратившая своей значимости и сегодня...

Ситуация, в которую Пушкин поставил героев, невероятна. Все переставлено местами. Право личности, бросающей вызов диктату патриархального права, исследуется через дочь степной соборно-авторитарной цыганской общины, а право патриарха, убивающего личность, – через бывшего светского льва, с детства воспитанного в условиях индивидуализированного городского общества и, следовательно, большего уважения к праву личности. Парадокс? Сценический, литературный, психологический, какой угодно – конечно. Но если отбросить художественный вымысел и опереться лишь на исторически сложившуюся типологию социальных отношений в России, то никакого парадокса нет. Тип отношений взят из самой сути русскости.

В пушкинском Алеко господствовало Право патриарха. Быть патриархом, как наркоманом, – страсть. Она в душе. Нарушение своего права патриарх во все времена карал смертью. Это право дала ему исторически сложившаяся родовая культура. Вот почему в культурную эпоху становления в России личности патриарх и его “страсти роковые” – в

городе ли, в таборе ли, в отрыве ли от народа, обнимаясь ли с народом, возглавляя ли народ – грязны и преступны.

Пушкинская юная таборная цыганка Земфира – вполне европейский персонаж. Полна внутренней свободой и независимостью личности. Для нее существует только истина любви. От нее, члена кочевой общины, в первую очередь можно было ожидать верности патриархальным супружеским отношениям. Но она полюбила, разлюбила, полюбила другого, была тверда в своем выборе и решениях, даже дерзка, добровольно пошла на гибель (“Умру, любя!”), не изменив личности в себе [Пушкин 1949, т. 4, с. 230]. “Нет, полно, не боюсь тебя! – / Твои угрозы презираю, / Твое убийство проклинаю...”. И восклицает: “Умру, любя!”.

Этот же тип конфликта и в истории любви, рассказанной в поэме старым цыганом, – в месте, наиболее фантастичном и, пожалуй, наиболее поэтичном во всей поэме. Его подруга Мариула полюбила цыгана из другого табора и поступила “по-европейски”: бросив маленькую дочь, не задумываясь, ушла с ним. Алеко изумлен: “Да как же ты не поспешил / Тотчас вослед неблагодарной / И хищникам и ей коварной / Кинжала в сердце не вонзил?”. Но пушкинский старый цыган, как и Земфира, оказывается тоже “европеец”. Он не мог не уважать право женщины любить свободно: (“Кто в силах удержать любовь?”). Алеко же – судья и палач, архаик, палеантроп, тупой и жестокий апостол Патриархального права: “Я не таков. Нет, я не споря / От прав моих не откажусь! / Или хоть мщеньем наслажусь...” [Пушкин 1949, т. 4, с. 225].

Между Личностью и Патриархом может быть только раскол. И трагедия. В смертельном конфликте в поэме столкнулись едва нарождающееся право личности и седое, укорененное в тысячелетиях родовое право. Таково мое видение пушкинской поэмы с позиции времени, в котором я живу – эпохи первой трети XXI в.

– “Так что же, от судеб защиты нет, и личность в России неизбежно гибнет, раз основания русской морали все еще в палеолите?” – спрашивает меня Пушкин. “Века проходят, Александр Сергеевич: но от палеолита – имперского, советского, постсоветского, тупого и жестокого – защиты, к сожалению, все еще нет, – отвечаю я. – И в XIX веке (вы это знаете лучше меня), и в XX, и сегодня – в XXI”.

Итак, я определил основной вопрос “Цыган”. Знаю и свой ответ. Я и “мой” читатель знаем, о чем поэма. Ответ на вопрос Пушкина получен – можно ставить точку в анализе поэмы? В том-то и дело, что нет. Достоевский заварил такую кашу своим анализом “Цыган”, да еще в речи, посвященной памяти Пушкина, да еще встреченной публикой “на ура”, что для меня – аналитика русской культуры – все только начинается...

Тень Достоевского

За двести послепушкинских лет вышло огромное число интерпретаций “Цыган”. Несмотря на это, я пишу свой комментарий. Зачем? Что нового хочу сказать? Я анализирую поэму через взгляд на нее Достоевского и в самой Пушкинской речи, и в статье писателя, полемизирующих с оппонентами этой речи. Я пытаюсь понять правомерность высказанного им взгляда.

Зачем мне это нужно?

Удивительна судьба поэмы: она о свободе любви, о праве личности, но послепушкинская дискуссия вокруг поэмы, развернувшаяся в XIX в., совсем о другом – о разрыве русского интеллигента, пытающегося стать личностью, с народной культурой как об основной проблеме России. Почему? Как такой невероятный поворот мог случиться? Руль повернул великий мистификатор Достоевский. Как и зачем он это сделал?

Достоевский – не только глубокий аналитик патологии русскости (я это приветствую). Но есть и то, что я не принимаю: Достоевский – идеолог соборно-авторитарной альтернативы этой патологии. Он певец патриархальной крестьянской общины, русского великодержавного шовинизма, народно-религиозной почвы, православной церкви, империалистической войны, российского самодержавия, идеи гражданской войны в России, ненавистник турок, поляков, евреев, немцев, Европы, социалистов, социал-демократов и

особенно либералов – “русских европейцев”, которых он считал “врагами народа”. В своем великодержавном идеологизировании он хочет иметь руководящего идола, которого можно боготворить, имени которого можно молиться и на которого можно безоговорочно опереться. Такой идеал он хочет видеть в Пушкине. Переворачивая идейное содержание пушкинского творчества с ног на голову, он хочет представить поэта как “архаически преданного народу” и одновременно “руководящего гения” для России [Достоевский 1984, т. 26, с. 116, 199, 114].

Отсюда логика Достоевского в его комментарии к “Цыганам” и другим пушкинским произведениям, упоминаемым в Пушкинской речи. В комментарии Достоевского полюс “народной правды” действительно есть, но он располагается не в поэме – не в российском городе, из которого бежал Алеко, и не в европеизированной Пушкиным цыганской общине, к которой беглец прибил, а в самом Достоевском, в его почвенных ценностях, в его народническом взгляде на образы Алеко и старого цыгана, в искажениях смысла поэмы. Из этой специфики вытекает ключевой момент заочного спора – различные интерпретации сюжета изгнания убийцы из цыганской общины у Пушкина и у Достоевского. У Пушкина: глава общины изгоняет Алеко за то, что он – гордый человек, носитель патриархального права, обзывающего наказать жену за неверность смертью, тогда как пушкинская европейско-цыганская мораль накладывает запрет на месть, уважая право людей на свободу выбора. У Достоевского иное: старик изгоняет Алеко из общины за то, что он – носитель городской русской культуры, согласно которой свободен в выборе своих поступков в отношении изменившей жены и ее любовника вплоть до их убийства.

С гипотезой “Достоевский vs Пушкин” я приступаю к сравнительному анализу содержания текстов пушкинской поэмы “Цыганы” и комментария Достоевского к ней в Пушкинской речи и других статьях и пытаюсь ответить на вопрос: зачем он искажает мысль Пушкина в поэме? Я хочу вернуть читателю подлинного Пушкина, очищая его поэму от “Достоевского”. Хочу прояснить для читателя выбор, к которому его призываю: не идти за Достоевским под якобы объединенным почвенным знаменем Пушкина/Достоевского, а четко понять, что Достоевский в своем комментарии к “Цыганам” – это набор антипушкинских ценностей, что Пушкин и Достоевский – это разные идеологии, что между этими идеологиями нет ничего общего и что рефлексирующий читатель не должен позволить ввести себя в заблуждение и попасть в ловушку.

О чем страдает русский интеллигент?

Достоевский в Пушкинской речи утверждает, что Алеко несчастен и страдает: “В Алеко Пушкин уже отыскал и гениально отметил того несчастного *скитальца* в родной земле, того исторического русского *страдальца*, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем... Эти русские бездомные *скитальцы* продолжают и до сих пор свое *скитальчество* и еще долго, кажется, не исчезнут. И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеобразном быте своих мировых идеалов и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского – интеллигентского общества, то все равно ударяются в социализм, которого еще не было при Алеко, ходят с новою верой на другую ниву и работают на ней ревностно, веруя, как и Алеко, что достигнут в своем фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного. Ибо русскому *скитальцу* необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится, – конечно, пока дело только в теории. Это все тот же русский человек, только в разное время явившийся. Человек этот, повторяю, зародился как раз в начале второго столетия после великой петровской реформы (то есть в XIX в. – *А.Д.*), в нашем интеллигентском обществе, оторванном от народа, от народной силы...” (курсив мой. – *А.Д.*) [Достоевский 1984, т. 26, с. 137–138].

Но, господа, нет в тексте пушкинской поэмы ни “скитальца”, ни “страдальца”, ни “мировых идеалов”, ни “тоски”, ни поисков “всемирного счастья”, ни “плача по утерянной правде”, ни жажды “спасения”. Нет этих причин побега Алеко из города в степь.

Пушкин пишет о прибывшем к цыганам Алеко: “его преследует закон”. Всего три слова. Бегство от судебного преследования – единственная причина. Остальное Достоевский придумал.

Пушкину не важно, что натворил Алеко в городе. Потому что поэма о другом. Но автор Пушкинской речи поворачивает поэму в свою сторону – в сторону анализа отношения русского интеллигента, оторвавшегося от народа, к “народной правде”: “Алеко, конечно, еще не умеет правильно высказать тоски своей: у него все это как-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природе, жалоба на светское общество, мировые стремления, плач о потерянной где-то и кем-то правде, которую он никак отыскать не может... В чем эта правда, где и в чем она могла бы явиться и когда именно она потеряна, конечно, он и сам не скажет, но страдает он искренно” [Достоевский 1984, т. 26, с. 138].

Сколько я ни вчитывался в пушкинский текст, “искренного страдания” по утрате некой “правды” не обнаружил. Но Достоевский искажает образ Алеко не сразу, постепенно. Писатель правильно указывает на первоначальный протестный порыв Алеко. На вопрос Земфиры, не жалеет ли он о том, что бросил навсегда, – привычную ему городскую жизнь, Алеко отвечает: “О чем жалеть? Когда б ты знала, / Когда бы ты воображала / Неволю душных городов! / Там люди, в кучах за оградой, / Не дышат утренней прохладой, / Ни вешним запахом лугов; / Любви стыдятся, мысли гонят, / Торгуют волею своей, / Главы пред идолами клонят / И просят денег да цепей. / Что бросил я? Измен волнение, / Предрассуждений приговор, / Толпы безумное гонение / Или блистательный позор” [Пушкин 1949, т. 4, с. 211].

Протест Алеко – начало поэмы. Во второй ее половине Алеко меняется; эта перемена движет сюжет, объясняет и измену Земфиры, и преступление героя. Эта перемена – главное для Пушкина. Чтобы подчеркнуть важность переломного момента в поэме, Пушкин вводит сюжет в сюжет: старый цыган рассказывает Алеко историю поэта Овидия, сосланного римским императором на берега Дуная. В этой истории звучит пушкинский вопрос: почему российский Алеко, главный его герой, который не был поэтом и жил с цыганами вполне благополучно, водил медведя, не зная “ни заботы, ни труда”, погружившись в “вечную лень” своих новых друзей, “беспечен как они”? И почему сосланный в Молдавию древнеримский поэт Овидий, еще один персонаж той же поэмы, “привыкнуть никогда не мог” к беззаботной цыганской жизни и скитался с цыганами “иссохший”, “бледный”, “голодный”, обеспокоенный сущностью поэзии и судьбами мира? Пушкин предлагает читателю подумать: почему один – мучается и велик, а другой – доволен собой и ничтожен?

Но Достоевскому эволюция Алеко не интересна. Он закрывает глаза на то, что неудовлетворенность беглеца жизнью в городе улетучилась, и он быстро успокоился. В конце поэмы это уже другой Алеко: “Он без забот и сожаленья / Ведет кочующие дни. / Все тот же он; семья все та же; / Он, прежних лет не помня даже, / К бытию цыганскому привык. / Он любит их ночлегов сени / И упоенье вечной лени” [Пушкин 1949, т. 4, с. 214].

Не было в начале поэмы у Алеко мировой тоски, тем более нет ее у него во второй ее половине. Не было и нет мировых стремлений и поисков всемирного счастья. Не плачет он о потерянной правде. И не ищет ее. И главное – **Алеко не страдает**. Если бы страдал, выражал бы недовольство своей жизнью в таборе, мучился бы. Но беглец принял монотонный регламент цыганского быта. Всем доволен. Обленился. Живет вместе с ручным медведем в палатке: “Проснувшись поутру, свой день / Он отдавал на волю бога, / И жизни не могла тревога / Смутить его сердечну лень” [Пушкин 1949, т. 4, с. 210]. Так жить может только сладострастный ленивец, в душе которого все в порядке и аппетит хороший, “бездельник и в нравственном, и в историческом смысле” [Волгин 1991, с. 250].

Критика Достоевским “русских европейцев”. Свобода или смирение?

Во второй половине поэмы начинается ее трагическая развязка, ведущая к гибели любви и свободы выбора. Но Достоевский не хочет в пушкинскую развязку. Комментарий поэмы начинается постепенный отход от личностной темы поэмы. Опираясь на придуман-

манный им образ либерала-Алеко, он переходит к критике якобы алекоподобных “интеллигентных русских”, “русских европейцев”, служащих в разных государственных учреждениях и бессмысленно проводящих свою жизнь в офисах. Масштаб критики нежелания русского человека слиться с русским народом радикально расширяется, и в Пушкинской речи рождается народническая теория становления правильного человека в России.

«О, огромное большинство интеллигентных русских, и тогда, при Пушкине, как и теперь, в наше время, служили и служат мирно в чиновниках, в казне или на железных дорогах и в банках, или просто наживают разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читают лекции – и все это регулярно, лениво и мирно, с получением жалованья, с игрой в преферанс, безо всякого поползновения бежать в цыганские таборы или куда-нибудь, более соответствующие нашему времени. Много-много что полиберальничают “с оттенком европейского социализма”, но которому придан некоторый благодушный русский характер, – но ведь все это вопрос только времени. Что в том, что один еще и не начинал беспокоиться, а другой уже успел дойти до запертой двери и об нее крепко стукнулся лбом. Всех в свое время то же самое ожидает, если не выйдут на спасительную дорогу смиренного общения с народом» (курсив мой. – А.Д.) [*Достоевский* 1984, т. 26, с. 138].

Вот она, цель Достоевского в “Цыганах” – призвать нарождающуюся в России личность не быть личностью. Повторюсь: пушкинская поэма – о свободе в любви, значит, о свободе вообще. И о расколе между личностью и патриархальной русской культурой. Достоевский тоже исходит из проблемы раскола, но занимает позицию по другую сторону баррикады. Он пытается наставить формирующуюся в России личность на путь истинный – убедить ее отказаться от самости, от придуманной им алекоподобности, уговорить не отрываться от народа, а слиться с ним, заставить преклониться перед соборной “народной правдой”.

Какая связь между пушкинской поэмой и идеологией Достоевского? Никакой. Но Достоевский связывает радикально личностный сюжет поэмы с идеей отпадения русской интеллигенции от народа: “С Петровской реформой, с жизнью европейской мы приняли в себя буржуазию и отделились от народа, как и на Западе” [*Достоевский* 1980, т. 20, с. 194]. И строит свой анализ по правилам проповеди: «Он (Алеко. – А.Д.) пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И он это чувствует и этим страдает, и часто так мучительно! Ну и что же в том, что, принадлежа, может быть, к родовому дворянству и, даже весьма вероятно, обладая крепостными людьми, он позволил себе, по вольности своего дворянства, маленькую фантазийку прельститься людьми, живущими “без закона”, и на время стал в цыганском таборе водить и показывать Мишку?.. Он ведь в своей земле сам не свой... отучен от труда... рос как институтка в закрытых стенах, обязанности исполнял странные и безотчетные по мере принадлежности к тому или другому из четырнадцати классов, на которые разделено образованное русское общество» [*Достоевский* 1984, т. 26, с. 138–139].

И опять фиксируем: в пушкинском тексте нет ни слова о “фантазийке”, ни того, как рос Алеко, ни того, что он отучен от труда и что он исполнял в городе странные обязанности. Можно ли предположить, что все это могло быть? Нельзя предположить и этого. Почему? Потому что пушкинская поэма – о другом. Но Достоевскому нужны идеи, которых в поэме нет, а для этого он приписывает Пушкину свои мысли. Первая из них: “Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве”.

И вторая приписываемая Пушкину мысль: «“Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой – и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победить себя, усмирить себя (курсив мой. – А.Д.) – и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его. Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам ее не достоин,

зlobен и горд и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за нее надобно запла- тить”. Это решение вопроса в поэме Пушкина уже сильно подсказано» [*Достоевский* 1984, т. 26, с. 139]

Приукрашивая Пушкинскую речь, И. Волгин считает, что Достоевский мысль “сми- рись” приписывает не Пушкину, а самой народной правде. Народная правда, по Волгину, как бы сама способна подсказывать: «Две ключевые фразы берутся Достоевским в кавыч- ки как чужая прямая речь: они произносятся не “от себя”, а как бы от имени “подсказы- вающей” народной правды» [*Волгин* 1991, с. 247]. Нет, Игорь Леонидович. Это говорит не “народная правда” устами Достоевского, а придуманный Достоевским Пушкин, чтобы сделать поэта своим идейным союзником, почвенником. Но эта выдумка – большая неуда- ча Достоевского: вот уж чего никогда не было у Пушкина, так это смирения. Ни перед кем. Вспомним хотя бы бессмертный девиз пушкинского творчества в “Из Пиндемонти”: “Не дорого цену я громкие права... / Иная, лучшая, потребна мне свобода: / Зависеть от царя, зависеть от народа – / Не все ли нам равно? Бог с ними. Никому / Отчета не давать, себе лишь самому / Служить и угождать; для власти, для ливреи / Не гнать ни совести, ни по- мыслов, ни шеи... / Вот счастье! вот права...” [*Пушкин* 1949, т. 3, с. 372].

Вот мы и дошли до пика, до поворота – до той точки, в которой Достоевский, придумав своего Алеко и уподобив ему русскую интеллигенцию, а также придуманного им Пушкина, поворачивает от пушкинской поэмы в сторону анализа отрыва русской интел- лигенции от народа. Этот поворот-отход от поэмы вслед за Достоевским делают все комментаторы образа Алеко в Пушкинской речи, и в XIX, и в XX, и в XXI вв. – как оп- поненты, так и сторонники писателя. Вынужденно делаю его и я. Перехожу от исследо- вания Пушкиным проблемы права личности в России любить и жить свободно к анализу того, должен ли утративший правду алекоподобный “русский европеец” бегать к цыга- нам в поисках правды, либо должен “слоमितь свою гордость”, смириться перед правдой народной, чтобы слиться с русским народом.

– *Вы и не предполагали, Александр Сергеевич, – опять обращаюсь я к Пушкину, – что ва- ша поэма станет площадкой для обсуждения того, чего в поэме нет. Вам не жаль?*

– *Пусть. Незарастающая “народная тропа” – это судьба, она может быть и та- кой. Ведь “от судеб защиты нет”. Не так ли?*

– *Но Достоевский, комментируя вашу поэму, говорит, что вы пишете о необходи- мости смирения, – жалуюсь я. – Что за чушь?*

– *Мне кажется, вам поможет мой взгляд на смирение: “Владыко дней моих! дух праздности унылой, / Любоначалия, змеи сокрытой сей, / И празднословия не дай душе моей. / Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья, / Да брат мой от меня не примет осу- ждения, / И дух смирения, терпения, любви / И целомудрия мне в сердце оживи” [*Пуш- кин* 1949, т. 3, с. 373].*

– *Но это же совсем другое. Вы просите Бога дать вам силы оживить в вас дух сми- рения-терпения-любви к человеку, а Достоевский призывает русскую интеллигенцию смирить гордыню, преклониться, поклониться почве, соборно-авторитарной народной правде. Вы и в “Цыганах”, и во всех ваших стихах поете о личности, а он – о религиоз- но-народнической морали. Разве это не подмена проблематики и вашей поэмы, и всего духа вашей поэзии?*

– *Подмена?... – в России ничто не случайно... вы хотите спорить с судьбой?..*

Что такое российское смирение?

Я выхожу из комментария пушкинской поэмы, но выхожу, чтобы вернуться. Я погру- жаюсь в любимое местопребывание Достоевского, в его подполье, но в конце своей ста- тьи я выйду из него и вернусь на свет, к поэме и скажу, удалось ли писателю убедить ме- ня и других оппонентов Пушкинской речи сделать выбор в пользу коленопреклонения перед народом и смирения перед народной соборно-авторитарной правдой.

Я буду оппонировать главной мысли Достоевского. Вот эта мысль, помещенная в комментарии к “Цыганам” и разбросанная в его статьях и заметках: “Пушкин угадал са-

мую основную суть того, что народ наш считал и считает за самую высшую нравственную красоту души человеческой: это – тихое, кроткое, спокойное (непоколебимое) *смиреннолюбие*”; “*усмиришь себя – и станешь свободен как никогда ранее и не воображал себе*” [Достоевский 1980, т. 20, с. 229; Достоевский 1984, т. 26, с. 139]. Я начинаю свой поход против антипушкинизма Достоевского.

Что такое “смирись”? Смирись – значит, согласно православию, самоумались, самоумервьсь, убей в себе свое “Я”. Вот как интерпретирует русское “смирись” православный священник и философ П. Флоренский: “Человеческий мир не соизмерим с божественным, малое в этом мире наречется великим в Царствии Небесном; пути Господни неисповедимы; человек не в силах понимать смысл всего исторического процесса, а отсюда два вывода: иррационализм и покорность... Но раз все делается не нашим умом, а Божьим судом, раз человек предполагает, а Бог располагает, и все, в конце концов, в руках Божьих, то религиозный долг человека смириться перед Богом, отказаться от своей человеческой воли и не перечить воле Божественной. Это – первая обязанность христианина. Он смиренно должен делать дело, к которому приставлен, жить, как все, не высовываться, не гнаться за большими делами и как можно меньше рассуждать... Не воображай, что ты призван для великих дел, не тужься, не надсаживайся – и благо ти будет... Какой далекой от Бога кажется такая жизнь! Неужели есть что-нибудь общее у этого прозябания с религиозной, – да и не только религиозной, а просто жизнью?” [Флоренский 1994, с. 659–660].

Идее смирения в традиционной русской культуре возражает не только Флоренский. Рентгеновский глаз Н. Бердяева не ошибся в анализе существа православного смирения: «Смирение не должно подавлять и угашать дух... Смирение не есть цель духовной жизни. Смирение есть подчиненное средство. И смирение не есть единственное средство, не есть единственный путь духовной жизни. Внутренняя духовная жизнь безмерно сложнее и многограннее. И нельзя отвечать на все запросы духа проповедью смирения... Построение жизни на одном духе смирения и создает внешнюю авторитарно-иерократическую систему... Освобождение духа, духовный подъем, выявление высшей природы объявляется несмирненным состоянием, недостатком смирения... Смирение из средства и пути превращается в самоцель. Смирение начинают противопоставлять любви. Путь любви признается не смиренным, дерзновенным путем. Евангелие окончательно подменяется “Добротолубием”» [Бердяев 2015].

Любовь к человеку, подмененная смиренной любовью к “симфонии” власти самодержавного царя и церковного патриарха, помогала не столько созидать, сколько покорять и присоединять. Это увидел В. Белинский: «Иоанн Калита был хитер, а не смирен; Симеон даже прозван “гордым”, а эти князья были первоначальниками силы Московского царства. Дмитрий Донской мечем, а не смирением предсказал татарам конец их владычества над Русью. Иоанны III и IV, оба прозванные “грозными”, не отличались смирением. Только слабый Феодор составляет исключение из правила. И вообще как-то странно видеть в смирении причину, по которой ничтожное Московское княжество сделалось впоследствии сперва Московским царством, а потом Российской империей, приосенив крыльями двуглавого орла, как свое достояние, Сибирь, Малороссию, Белороссию, Новороссию, Крым, Бессарабию, Лифляндию, Эстляндию, Курляндию, Финляндию, Кавказ» [Белинский 1982, с. 198].

Смирение в России воспроизводится через прививку стереотипа рабства. Дикой говорит Кулигину в “Грозе” А. Островского: “Так ты знай, что ты червяк. Захочу – помилую, захочу – раздавлю” [Островский 1948, с. 153]. Молчалин в “Горе от ума” А. Грибоедова: “Мне завещал отец: / Во-первых, угождать всем людям без изъятья: / Хозяину, где доведется жить, / Начальнику, с кем буду я служить, / Слуге его, который чистит платья, / Швейцару, дворнику для избежанья зла, / Собаке дворника, чтоб ласкова была” [Грибоедов 1971, с. 157]. Унизить и унижаться – общество считает естественным и нравственным. Ни в желающем топтать, ни в желающем быть растоптанным нет личности, а есть стадный зверь, победно действующий либо хитро затаившийся. Зверь любит зверя в себе – такова суть русского смирения и добровольного рабства в России, по мнению русских философов и писателей.

Читатель может сказать: Достоевский, комментируя “Цыган” и призывая к смирению, не имел в виду политические выводы. А я скажу: имел. И дело не только в том, что в “Дневнике писателя” он призывал “овладеть Босфором и проливами”, захватить Турцию, оправославить турок, поляков, что “Константинополь должен быть наш” [Достоевский 1980, т. 20, с. 203; Достоевский 1984, т. 26, с. 83, 84]. Поднимая милитаристский дух русской почвы, “народной правды” до уровня национальной идеи, он хотел оградить русский народ от ценности личности, европеизма, а следовательно – от Пушкина. Мы знаем множество красивых, даже восторженных оценок пушкинского творчества, сделанных Достоевским. Но, веря им, проходим мимо других его высказываний – антипушкинских: народ и его почвенная “правда” выше Пушкина; Пушкин сделал выбор – преклонился перед правдой народной; “Пушкин – главный славянофил России” [Достоевский 1984, т. 26, с. 198–199, 114; Достоевский 1980, т. 20, Примечания, с. 419].

Восхищаясь гением Достоевского, не замечаем мы и других его антипушкинских высказываний: «Не за искусство для искусства мы (Достоевский имеет в виду себя и свой журнал, а также пушкинские формулы “Цель поэзии – поэзия”, “Цель искусства – искусство” – А.Д.) стоим»; “Великий Пушкин – [тот, который] без гордости”; “Все, что только могли мы узнать от знакомства с европейцами о нас самих, мы узнали; все, что только могла нам уяснить цивилизация, мы уяснили себе, и это знание самым полным, самым гармоничным образом явилось нам в Пушкине”. Так что же, вперед в личностную Европу? Нет. Потому что “это состояние, то есть распадение масс на личности, иначе цивилизация, есть состояние болезненное”. И какой вывод? “Исторически закончен у нас переворот европейской цивилизации,.. наступает другой”. И обобщенно: “В Европе нам нечего делать” [Достоевский 1980, т. 20, с. 212, Примечания, с. 419; Достоевский 1978, т. 18, с. 69; Достоевский 1980, т. 20, с. 192; Достоевский 1978, т. 18, с. 49; Достоевский 1980, т. 20, с. 212].

Отдельный блок составляют нападки на либералов за то, что они, учителя народа, неправильно, по-европейски, любят русский народ: учат его жить вместо того, чтобы поклониться, преклониться перед его милитаристской, великодержавной почвенной правдой, как это, якобы, сделал Пушкин: “Российский либерал – не хочет преклониться перед народом, он враг народа”; “И почему, почему наш европейский либерал так часто враг народа русского?.. О, я ведь не утверждаю, что они враги народа сознательно, но в бессознательности-то и трагедия”; “Повторяю аксиому – либерал враг народа”; “Европейски развитые любители народа русского... любили народ по-своему, то есть по-европейски. Они кричали о зверином состоянии народа, о зверином состоянии его в крепостном рабстве... не хотят преклониться перед правдой, учителя народа. Долой!” [Достоевский 1984, т. 26, с. 153, 223, 115, 201].

Достоевский прямо не называет Пушкина врагом народа. Но он делает гораздо худшее – последовательно, жестко подталкивает читателя к выводу, что и перед русским либералом, и перед русским европеизмом, и перед Пушкиным стоит общая необходимость – смириться, преклониться перед соборно-авторитарной правдой народной, которая, хотя и несет в себе рабство (вспомните образы подпольного человека во всех произведениях Достоевского, начиная с Макара Девушкина и Голядкина), но выше их всех. А если нет, то всех этих, гордых с европейским отливом, учителей народа, не желающих преклониться перед этой правдой, врагов народа, следующих пушкинскому принципу “искусство – для искусства”, долой! Что значит “Долой!?” “Война? Пусть” [Достоевский 1984, т. 26, с. 185].

Полемика Достоевского с “русскими европейцами” – “врагами народа” – “прогрессивными вышвырками русского общества”

Среди “русских европейцев” – “врагов” – “вышвырков” – прижизненных критиков писателя, которым уделено столько внимания в его комментарии к “Цыганам”, на первое место я бы поставил профессора Петербургского университета, историка-правоведа

А. Градовского (1841–1889). Он активнее других выступил против Пушкинской речи Достоевского, в которой анализ пушкинской поэмы занял одно из центральных мест, и именно на Градовского обрушил основной огонь своей критики Достоевский по поводу интерпретации образа Алеко и путей развития России.

Первый “антидостоевский” постулат Градовского – русский народ пока еще нельзя назвать великим: «Теперь мы дошли до самого важного пункта в нашем разномыслии с г-ном Достоевским. Требуя смирения пред народною правдой, пред народными идеалами, он принимает эту “правду” и эти идеалы как нечто готовое, незыблемое и вековечное. Мы позволим себе сказать ему – нет! Общественные идеалы нашего народа находятся еще в процессе образования, развития. Ему еще много надо работать над собою, чтоб сделаться достойным имени великого народа...» “Еще слишком много неправды, остатков векового рабства засело в нем (то есть в народе нашем), чтоб он мог *требовать себе поклонения* и, сверх того, претендовать еще на обращение всей Европы на путь истинный, как это предсказывает г-н Достоевский” (цит. по [Достоевский 1984, т. 26, с. 161, 170]).

Второй “антидостоевский” постулат Градовского – русскую культуру по пути развития поведут “русские европейцы”. Этот постулат наносил удар по народничеству Достоевского с позиции неполитического либерализма и “русского европеизма”. Прямого текста этого постулата у меня нет. Но он легко угадывается из ответа Достоевского Градовскому: «Вы, г-н Градовский, безжалостно укоряете Россию за ее неустройство. А кто мешал до сих пор ей устроиться во все эти два последние века и особенно в последнее пятидесятилетие? А вот все подобные вам, *русские европейцы*, г-н Градовский, которые у нас все два века не переводились, а теперь особенно на нас насели. Кто враг органическому и самостоятельному развитию России на собственных ее народных началах?.. Кто хотел переделать народ наш, фантастически “возвышая его до себя”, – попросту надевать все таких же, как сами, *либеральных* европейских человечков, отрывая от времени до времени, от народной массы по человечку и развращая его в европейца даже хоть фалдочками мундира?.. Да неужели же вы серьезно думаете, что наш народ весь, всей массой своей, согласится стать такою же безличностью, как эти господа *русские европейцы*?» (курсив мой. – А.Д.) [Достоевский 1984, т. 26, с. 170].

Третий “антидостоевский” постулат Градовского – Россия, чтобы развиваться, должна не смиряться, а развивать в себе демократические институты и формировать гражданское общество. Градовский пишет: «Улучшение людей в смысле общественном не может быть произведено только работой “над собою” и “смирением себя”... Вот почему в весьма великой степени общественное совершенство людей зависит от совершенства общественных учреждений, воспитывающих в человеке если не христианские, то гражданские доблести» (цит. по [Достоевский 1984, т. 26, с. 162]).

Четвертый “антидостоевский” постулат Градовского – Россия должна оставить панславянскую идею и вытекающий из нее империализм, расстаться с православием и развить в себе социал-демократические европейские идеалы. Тут возмущению Достоевского не было пределов. Он перешел на оскорбления. Достоевский – Градовскому: “Оставить славянскую идею и восточную церковь все равно, что сломать всю старую Россию и поставить на ее место новую и уже не Россию. Это будет равносильно революции. Отвергать назначение (России. – А.Д.) могут только *прогрессивные вышвырки русского общества* (курсив мой. – А.Д.). Но они обречены на застой и на смерть, несмотря на всю, по-видимому, энергию их и тоску сердца их... Я говорю про испорченных людей интеллигентского класса, испорченных перемещением идеала – не тот идеал признают, а ошибочный. Социально-демократический, европейский. Я социалист, но переменял идеал с эшафота. Великая идея Христа, выше нет. Встретимся с Европой на Христе... Вы смеетесь, вы требуете разъяснений, фактов. Да ведь мало книги, чтоб разъяснить это, подождите, разъясним, только не вам. Мы ждем новых людей. Они идут. Они придут” [Достоевский 1984, т. 26, с. 185].

Здесь надо остановиться и обратиться к тому, как Достоевский полемизировал со своими оппонентами. Автор идеологии почвенничества спорил со своими оппонентами

всю свою писательскую жизнь. И чем далее продвигалась полемика, тем слабее выглядел спорщик Достоевский.

Он (Достоевский) – пророк, Россия со временем пойдет за ним. Градовскому и прочим “вышвыркам” он ничего доказывать не собирается. Диалог с Градовским? – недостойно пророка. Но отступает Достоевский всегда по одной схеме – он пророчествует: «Она (Европа. – А.Д.) накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного... В Европе, в этой Европе, где накоплено столько богатств, все гражданское основание всех европейских наций – все подкопано и, может быть, завтра же рухнет бесследно на веки веков... И все богатства, накопленные Европой, не спасут ее от падения, ибо “в один миг исчезнет и богатство”... европейское устройство... завтра же в Европе рухнет» [Достоевский 1984, т. 26, с. 167, 132].

Фундаментально сказано. Ждем с нетерпением. Скоро там уже?

Достоевский и Россия. Снова о поэме

Я закончил спор с Достоевским и вышел из его подполья. Возвращаюсь к анализу поэмы “Цыганы”. Но возвращаюсь не с пустыми руками. Теперь я могу обоснованно сказать, почему Достоевский говорит о главном герое поэмы Алеко то, чего в поэме нет, почему приписывает Пушкину то, чего Пушкин не писал и не говорил, почему пытается втянуть читателя в разговор о необходимости русской интеллигенции смириться перед русской соборно-авторитарной народной правдой и почему так ненавидит Европу и либералов – “русских европейцев”.

Я могу теперь ответить на эти вопросы не только через понимание позиции Достоевского в интерпретации пушкинской поэмы, не только через прояснение Достоевским своей позиции в споре с русской интеллигенцией, но и через осмысление исторического места Достоевского в русской культуре.

Если Пушкин – зачинатель темы личности в России, если Лермонтов – зачинатель критики русской версии Бога с позиции ценности личности, если Чехов – основоположник представления не только о патологии российской рефлексии, но и о том, что русский человек не понимает оснований своего непонимания причин собственной патологии, то Достоевский – в силу своей приверженности соборно-авторитарным ценностям религиозного народничества разрушает через себя те новые жизненные силы, которые пробудили в русском человеке Пушкин и пушкинско-лермонтовский, пушкинско-чеховский способ анализа человеческой реальности. Он разрушает первые ростки нового для России права – права свободно верить, свободно любить, свободно делать нравственный выбор. Ведь именно об этом праве поэма “Цыганы”.

Эпилог

Смертельный конфликт между “Умру, любя!” Земфиры и “Я не таков. Нет, я не споря / От прав моих не откажусь! / Или хоть мщеньем наслажусь” Алеко обнажает трагическую глубину раскола между нарождающейся в России личностью и ее палачом, патриархальной русской культурой. Так у Пушкина в поэме “Цыганы”. Смертельная ненависть к “русским европейцам”/врагам русского народа – так у религиозного почвенника Достоевского, вплоть до призывов к войне с ними. Это видим в его комментарии к пушкинским “Цыганам”.

И в “сфере между” этими двумя позициями/сюжетами находимся мы, читатели пушкинской поэмы, поставленные перед выбором между идеологией свободы Пушкина “Умру, любя!” и идеологией народничества Достоевского, из-за личины христианского смирения которого торчит топор гражданской войны. Россия и сегодня больна расколом между европеизмом и почвенничеством, между Пушкиным и Достоевским. Раскол – тяжкая судьба России.

– Так что же: и всюду страсти роковые / И от судеб защиты нет?

– Пока нет, Александр Сергеевич, время в России течет медленно...

– *А что есть?*

– *Ваше творчество и наша уверенность, что вы и мы – вместе.*

Вот уже 200 лет пушкинскую поэму в России любят, читают, обсуждают. И читатели, и зрители, и комментаторы, и я единодушно не хотим туда, куда зовет нас Достоевский, – смиряться перед соборностью и авторитарностью русской культуры, перед тем, что писатель именуется святой народной правдой, потому что соборность и авторитарность – не пушкинские ценности, а смиряться и преклоняться – не пушкинский стиль жизни. Нам нужно другое: постоянно чувствовать прикосновение пушкинского гения к самому больному в судьбе России – конфликту между личностью и патриархальной архаикой в нас, между нашей свободой и нашей несвободой; нам надо быть уверенными, что Пушкин с нами.

Поэтому не забыта пушкинская поэма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белинский В.Г. (1982) Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. Т. 8. М.: Художественная литература. С. 182–221.

Бердяев Н.А. (2015) Спасение и творчество. Два понимания христианства // Бердяев Н.А. Избранные философские сочинения 1920-х годов. Берлин. Direct-media. С. 137–168 (<https://www.libfox.ru/6219-2-nikolay-berdyayev-spasenie-i-tvorchestvo-dva-ponimaniya-hristianstva.html#book>)

Волгин И.Л. (1991) Последний год Достоевского. М.: Советский писатель.

Грибоедов А.С. (1971) Горе от ума // Грибоедов А.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Правда.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. (1978) Т. 18; (1980) Т. 20; (1984) Т. 26. Л.: Наука.

Островский А.Н. (1948) Гроза // Островский А.Н. Избр. соч. М.; Л.: Гос. Изд-во Художественной литературы.

Пушкин А.С. (1949) Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 4. М.; Л. Издательство АН СССР.

Флоренский П. (1994) Соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль.

Between Pushkin and Dostoevsky: poem “The Gypsies” and comments on it

A. DAVYDOV*

***Davydov Alexis** – doctor of sciences (Culturology), chief researcher, Center of Sociology of Management and Social Technologies, Federal Scientific-Research Sociological Center – Institute of Sociology RAS. Address: 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: apdavydov@gmail.com

Abstract

The article studies Dostoevsky’s comment on Pushkin’s poem “The Gypsies” in his Pushkin speech on June 8, 1880 and in some articles. There is an analysis of the distortion of the poem sense – an arbitrary turn from the theme of love in the poem to criticism of the Russian liberals – “Russian Europeans” as detached from the Russian people and so “enemies of the people”. There developed criticism of Dostoevsky’s call to bow to “folk truth” which is “above Pushkin”. The article raise the choice between freedom in love and Dostoevsky’s populism to a level of choice between Pushkin and Dostoevsky as antiPushkin, as a choice of Russia.

Keywords: Pushkin, the Gypsies, Dostoevsky, Pushkin speech, people, folk truth, liberals, liberalism, mediation, Russian Europeans, enemies of people.

REFERENCES

Belinsky V.G. (1982) *Vzglyad na Russkuyu literaturu 1846 goda* [A glance at the Russian literature of 1846]. Belinsky V.G. *Sobr. soch. v 9 t. T. 8.* [Collected Works in 9 vol. Vol. 8]. Moscow: Hudozhestvennaya literature, pp. 182–221.

Berdyayev N.A. (2015) *Spasenie i tvorchestvo. Dva ponimaniya christianstva* [Salvation and creativity. Two concepts of Christianity]. Berdyayev N.A. *Izbrannyye filosofskie soch. 1920-h godov* [Selected philosophical works of the 1920s]. Berlin. Direct-media, pp. 137–168 (<https://www.libfox.ru/6219-2-nikolay-berdyayev-spasenie-i-tvorchestvo-dva-ponimaniya-hristianstva.html#book>)

Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch. in 30 t.* (1978) T. 18; (1980) T. 20; (1984) T. 26 [Complete works in 30 vols. Vol. 18, 20, 26]. Leningrad: Nauka.

Florensky P. (1994) *Soch. v 4 t. T. 1.* [Works in 4 vols. Vol. 1]. Moscow: Mysl.

Griboedov A.S. (1971) *Gore ot uma* [Woe from Wit]. Griboedov A.S. *Soch. in 2 t. T. 1.* [Works in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Pravda.

Ostrovsky A.N. (1948) *Groza* [Storm]. Ostrovsky A.N. *Isbrannyye Sochineniya* [Selected works]. Moscow; Leningrad: Gos. izdat. Hudozhestvennaya literature.

Pushkin A.S. (1949) *Poln. sobr. soch. v 10 t.* [Complete works in 10 vols. Vol. 4]. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR.

Volgin I. (1991) *Posledniy god Dostoevskogo* [The last Year of Dostoevsky] Moscow: Sovetskiy pisatel.

© А. Давыдов, 2018